

Игорь Волгин

— доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и Литературного института имени А.М. Горького, основатель и руководитель Литературной студии МГУ «Луч».

ДУХ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Году, кажется, в 1970-м я пригласил в свою студию «Луч» в МГУ моего приятеля, тогда молодого литературоведа Олега Михайлова. Как я слышал, он переписывался (что в те времена выглядело совершенно невероятно) с писателем Борисом Зайцевым, едва ли не последним из могикан первой русской эмиграции. Олег озаглавил тему своего выступления следующим образом: «Литература русского зарубежья». После чего меня, негодуя, вызвал некий начальник из университетского парткома: его глубоко возмутило само наличие термина.

Да, такого понятия, как русское зарубежье, официально не существовало. Оно появилось лишь в самом конце 1980-х, когда в литературном пространстве обозначилась громадная территория, большинству из нас доселе неведомая. Десятки имен и сотни текстов, как по волшебству, расширили границы отечественной культуры: оказалось, что она не погибла там, на Западе, а дала мощные всходы в «стране святых чудес».

В конце минувшего февраля мы приехали в Ниццу и переночевали в доме моего друга, легендарного Ренэ Герра. Это была удивительная ночь. На книжных полках и в архивных папках бодрствовали тысячи раритетов — с автографами Ивана Бунина, Бориса Зайцева, Алексея Ремизова, Ирины Одоевцевой, Галины Кузнецовой, Георгия Адамовича, Георгия Иванова, Юрия Терапиано, Юрия Анненкова и бесчисленного множества других русских изгнанников. На стенах таинственно мерцала «эмигрантская» живопись, на приобретение которой не поспешили бы лучшие из наших музеев. Ренэ Герра — обладатель бесценных сокровищ, утраченных Россией и сохраненных благодаря его усилиям, начатым еще в бытность секретарем у того же Бориса Зайцева. Русскому слову «подвижник» трудно подобрать аналоги на других языках: обычно его переводят как «энтузиаст». Но между ними, если вспомнить старую шутку, такая же разница, как между выражениями «государь» и «милостивый государь».

Впрочем, Ренэ Герра обосновался в Ницце не только потому,

Igor Volgin

— docteur ès Lettres, professeur émérite de la Faculté du journalisme de l'Université d'Etat de Moscou M. V. Lomonossov et de l'Institut littéraire A. M. Gorki, fondateur et animateur de l'atelier littéraire de MGU «Le Rayon».

L'ESPRIT DES BELLES LETTRES RUSSES

En 1970, si je ne me trompe, j'ai invité dans mon atelier littéraire «Le Rayon» à MGU un de mes copains, alors un jeune spécialiste en littérature Oleg Mikhaïlov. Comme j'entendais dire, il était en correspondance avec l'écrivain Boris Zaïtsev, à peine le dernier des Mohicans de la première vague de l'émigration russe. Oleg a intitulé le sujet de son intervention ainsi: «La littérature de l'Étranger russe». Après j'ai été interpellé par un chef du Comité du Parti universitaire: il était profondément touché et indigné par le terme même sur les affiches.

Effectivement, un tel terme n'existait pas officiellement. Il est apparu à la fin des années 1980, quand dans l'espace littéraire on a commencé à percevoir ces territoires immenses totalement inconnus pour la plupart d'entre nous. Des dizaines de noms et des centaines de textes ont élargi d'un coup les frontières de la culture russe: il s'est révélé qu'elle n'était pas morte en Occident mais elle avait

poussé avec plus de forces dans ce «pays de saintes merveilles».

A la fin de février dernier nous sommes arrivés à Nice et nous sommes restés chez mon ami ancien, le légendaire René Guerra. C'était une nuit miraculeuse. Sur les rayons de la bibliothèque, dans les dossiers de l'archive veillaient des milliers de raretés, signées par I. Bounine, B. Zaïtsev, Alexeï Remizov, Irina Odoevtseva, Galina Kouznetsova, Gueorgui Adamovitch, Gueorgui Ivanov, Iouri Terapino, Iouri Annenkov et bien d'autres exilés russes. Sur les murs brillait la peinture des émigrés que les meilleurs musées du monde voudraient ajouter à leurs collections. René Guerra est un propriétaire de trésors précieux et uniques, perdus par la Russie et conservés grâce à ses efforts: il avait commencé à rassembler sa collection tout en étant le secrétaire de Boris Zaïtsev. C'est le mot russe «podvijnik» (un grand héros, un grand travailleur) qui lui convient beaucoup et qui est difficile à rendre en d'autres langues, le mieux étant de dire «enthousiaste». Mais entre les deux mots il y a une énorme différence, pareille à celle qui se trouve entre le mot «Souverain» et «Monsieur», d'après une blague ancienne.

Pourtant René Guerra s'est installé à Nice non seulement parce que la notion «La belle France» convient le mieux à ce petit coin de la Provence. C'est là-bas que l'esprit des belles lettres russes souffle le plus fort.

«Nice — un vrai paradis — écrit Gogol à Joukovski le 2 décembre 1843. — Un calme absolu... Je continue à travailler, c'est-à-dire mettre du chaos sur le

что понятие «прекрасная Франция» наиболее приложимо к этому уголку Прованса. Здесь веет также русский дух — в первую очередь дух российской словесности.

«...Ницца — рай... — пишет Гоголь Жуковскому 2 декабря 1843 года. — Спокойствие совершенное... Я продолжаю работать, то есть набрасываю на бумагу хаос, из которого должно произойти создание “Мертвых душ”» (подразумевается второй том).

Очевидно, сочетание внутреннего хаоса и внешнего спокойствия, «балансирование на грани» может дать мощный эстетический эффект. Собственно, об этом и стихи Тютчева, написанные в декабре 1864 года.

*О, этот юг, о, эта Ницца!.. /
О, как их блеск меня тревожит! /
Жизнь, как подстреленная птица, /
Подняться хочет — и не может... /
Нет ни полета, ни размаху — /
Висят поломанные крылья, /
И вся она, прижавшись к праху, /
Дрожит от боли и бессилья...*

16 ноября 1851 года недалеко от Ниццы во время морской бури терпит крушение пароход, на котором плыли из Марселя мать Герцена Луиза Гааг и его глухонемой сын Коля со своим гувернером. Их тела так и не были найдены. Здесь же, в Ницце, в мае 1852-го завершится другая семейная драма — умирают жена Герцена Натали и их только что родившийся ребенок. Все это проис-

ходит после разрыва Натали Герцен с ее возлюбленным, немецким поэтом («железным жаворонком») Гервегом и, казалось бы, уже невозможного примирения супругов. Герцен, умерший в Париже, завещал похоронить себя в Ницце — рядом с женой. Его черный памятник на кладбище Шато — в полный рост, со сложенными на груди руками — сразу бросается в глаза меж многих белых надгробий. Здесь похоронены его дети, в том числе дочь от Наталии Алексеевны Тучковой-Огаревой — 17-летняя Лиза, о самоубийстве которой писал Достоевский.

«Странные сближенья» случаются под безмятежным прованским небом. «Сын царский умирает в Ницце», — писал Тютчев: 21-летний сын Александра II, великий князь Николай Александрович отходит в лучший мир в апреле 1865-го, и его звание наследника престола (вместе с его невестой, датской принцессой Дагмарой) переходят к будущему Александру III. И здесь же, в Ницце, в 1922 году заканчивает свои дни многолетняя любовница, а затем тайная жена Александра II Екатерина Долгорукая (княгиня Юрьевская).

Но вернемся от русской истории к русской литературе (хотя они практически неразделимы). Недалеко от Ниццы, в 500 м над уровнем моря располагается город Грасс — мировая столица ароматов (вспомним «Парфюмера» П. Зюскинда). Но для русского слуха это название навсегда сопряжено с другим именем: Иван Бунин.

papier. Et de ce chaos-là doit sortir le tome des «Âmes mortes»» (il s'agit du deuxième volume).

Evidemment que l'union du chaos interne et du calme externe, cet équilibre retrouvé «à la frontière» pourrait donner une très forte impression esthétique. C'est ce sentiment que Tiouttchev a décrit dans son poème de décembre 1864:

*Ô, le Midi, ô Nice ! .. / Ô, combien leur éclat me trouble ! /
La vie est comme cet oiseau blessé, /
Elle veut s'envoler — mais ne le peut ... /
Il n'y a plus de vol, plus d'envol — /
Suspendues sont ses ailes brisées /
Collées dans la poussière, /
Secouées par la douleur —
impuissantes ... (trad. Jacky Lavauzelle)*

Le 16 novembre 1851 pas loin de Nice pendant une tempête marine a fait naufrage un bateau sur lequel revenaient de Marseille la mère de Herzen Louisa Haag et son fils sourd-muet Kolia avec son précepteur. C'est toujours à Nice qu'un autre drame familial a eu lieu en mai 1852: meurent la femme de Herzen Natalie et son bébé qui venait de naître... Tout se passe peu après la rupture de Natalie avec son amant, poète allemand Herwegh («alouette de fer»), et on suppose que rien ne puisse réconcilier les époux. Mort à Paris, Herzen a demandé dans son testament de l'enterrer à Nice, près de sa femme. Sa statue noire dans le cimetière du Château, de pleine grandeur, les bras croisés au niveau de la poitrine, se fait tout de suite voir entre les monuments funéraires blancs. C'est dans le même endroit que sont enterrés ses enfants,

y compris la fille de 17 ans de Natalia Alexeievna Touchkova-Ogareva, Lisa dont Dostoïevski a décrit le suicide.

«D'étranges rapprochements» ont lieu sous ce ciel calme provençal. «Le fils du tsar est mort à Nice» — a écrit Tiouttchev: le fils de 21 ans d'Alexandre II, le grand-duc Nicolas Alexandrovitch est passé dans l'autre monde en avril 1865, et son titre de tsarévitch (et celui de son épouse, la princesse Dagmar de Danemark) passe au futur Alexandre III. C'est toujours à Nice qu'en 1922 meurt la maîtresse de plusieurs années et puis l'épouse secrète (morganatique) d'Alexandre II Ekaterina Dolgoroukova (la princesse Yurevskaya).

Mais repassons de l'histoire russe à la littérature russe (bien qu'elles soient presque inséparables). Pas loin de Nice, à 500 mètres au-dessus du niveau de la mer se trouve la ville de Grasse — la capitale mondiale des parfums et des odeurs (souvenons-nous du «Parfum» de P. Süskind). Mais pour les Russes cet endroit est étroitement lié à un autre nom — celui de Ivan Bounine.

*N'ajoutera pas de vitesse /
Le pendule de Foucault. /
Il n'y a pas de nouvelles de la Patrie, — /
C'est trop haut¹.*

Nous sommes montés sur une colline d'où un magnifique panorama s'ouvre sur les alentours: des montagnes, des nuages, des toits de tuiles en bas. Ivan Alexeïevitch avait des paysages à contempler. Et tout en regardant ces lieux étrangers éblouissants il a écrit «L'Amour de Mitia», «La Vie d'Arseniev», «Les allées sombres»...

Не прибавит скоростей / Маятник Фуко. / Нету с родины вестей — / Слишком высоко.

Мы поднялись на холм, с которого открывается изумительная панорама: горы, облака, черепичные крыши внизу. Ивану Алексеевичу было на что посмотреть. И, взирая на этот ослепительный заморский пейзаж, он написал «Митину любовь», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи»...

Сколько выжито обид, / Выпито мадер. / Но имеет бледный вид / Вилла «Бельведер».

«Вилла» — скорее по названию. На самом деле это скромное двухэтажное сооружение напоминает подсобку, которая в России может принадлежать

дачнику средней руки. Сюда к первому русскому нобелевскому лауреату приезжали и Борис Зайцев, и Иван Шмелев... Не знаю, бывал ли здесь — еще до Бунина — Александр Герцен, но тот пароход, на котором погибли его мать и сын, назывался «Город Грасс». Так тасует карты судьба... Так на грасских холмах возникает тема конца.

Жизнь моя, что пастораль, / Если бы не стих: / «Ледяная ночь, мистраль / (Он еще не стих)». / Если бы не этот бред — / Смертный, назубок: / «Никого в подлунной нет, / Только я да Бог»...

Я обещал Ренэ Герра, который привел нас на виллу «Бельведер», непременно туда вернуться. Как говорил Лев Толстой, ЕБЖ: если буду жив.

Que d'offenses sont survécues, / que de madères sont bus. / Mais a l'air pâle / La villa «Belvédère»².

«La villa», ce n'est qu'un nom. A vrai dire, il s'agit d'une maison modeste à un étage qui ressemble beaucoup à un abri de chantiers qui puisse appartenir en Russie à un habitant de datcha ordinaire. C'est dans cette villa que sont venus Boris Zaïtsev, Ivan Chmeliiov — pour voir le lauréat du prix Nobel de littérature... Je ne sais pas si Herzen y venait, avant Bounine lui-même, mais le bateau tragique sur lequel sa mère et son fils se

trouvaient lors de son naufrage s'appelait «La ville de Grasse». C'est ainsi que la vie bat les cartes... Sur les collines de Grasse apparaît le thème de la fin.

Ma vie serait comme une pastorale / Sans ce verset: / «La nuit glaciale, le mistral / (Il ne s'est pas calmé)» / Sans ce délire — / Mortel, appris: / «Personne dans ce monde sublunaire / Sauf moi et Dieu»...³

J'ai promis à mon ami René Guerra qui nous a montré la villa «Belvédère» d'y revenir un jour. Comme le disait Lev Tolstoï: «Si je reste en vie».

1. Не прибавит скоростей / Маятник Фуко. / Нету с родины вестей — / Слишком высоко.

2. Сколько выжито обид, / Выпито мадер. / Но имеет бледный вид / Вилла «Бельведер».

3. Жизнь моя, что пастораль, / Если бы не стих: / «Ледяная ночь, мистраль / (Он еще не стих)». / Если бы не этот бред — / Смертный, назубок: / «Никого в подлунной нет, / Только я да Бог»...

На вилле «Бельведер». Слева направо: проф. С.М. Пинаев, проф. Ренэ Герра, зам. главы администрации Липецкой области Ю.Н. Таран, доцент Г.И. Седых, президент Фонда Достоевского И.Л. Волгин, президент фонда «Иппокрена» Е.А. Полтавская, проф. Е.А. Михеичева
A la villa Belvédère. De gauche à droite: prof. S. M. Pinaev, R. Guerra, adjoint du chef de l'administration de la région de Lipetsk Ju. N. Taran, maître de conférence G. I. Sedikh, président de la fondation Dostoïevski I. L. Volgin, présidente de la fondation «Ippokrena» E. A. Poltavskaya, prof. E. A. Mikheïtcheva

Перед памятником Бунину в Грассе. Р. Герра, Е. Волгина, И.Л. Волгин
Devant le monument à Bounine à Grasse. R. Guerra, E. Volgina, I. L. Volgin

Глава администрации Становлянского района С.А. Никитин сажает яблоню в саду музея И.А. Бунина в Озерках
Le chef de l'administration de la région Stanovlyansky S. A. Nikitin plante un pommier dans le jardin du musée de I. A. Bounine à Ozerki

Музей И.А. Бунина в Озерках
Musée de I. A. Bounins à Ozerki

Выступления творческих коллективов на фестивале «Бунинские Озерки»
Des collectifs d'artistes au festival «Bouninskie Ozerki»